

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2022. 13(2): 156-162

DOI: 10.13187/rs.2022.2.156
<https://rs.cherkasgu.press>

Anton Chekhov and Adventure Literature

Marina Ch. Larionova ^{a,*}, Alla R. Lisitsa ^b

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

The article deals with the reception of adventure topic in the prose of A.P. Chekhov. For the purpose to determine the place of adventurous literature in readers' consciousness in Russia at the end of 19th century, the authors aim at the autobiographical novel of I.S. Shmelev "How I met Chekhov", in which the image of Chekhov-reader (similar to his writer's image in his early works) arises.

Numerous names of classics and their works mentioned by Chekhov have been collected and analysed. The authors suggest differentiation of this material basing on the principle of functionality. On one side, the texts which imply the dialogue between the author and classic adventurous fiction (these are the stylization presented in "The Flying Islands" and the short story "Boys") are thoroughly analyzed. On the other side, mentions of adventurous literary texts and their authors, fulfilling the function of an artistic detail and portrait or landscape characteristics (such as "Tumbleweed", "The Last Mohican", "At the Mill", "A Happy Men", "Idyll", "Sakhalin Island"), are considered.

It is shown that "The Flying Islands" contain critical conceptualization of not only the characteristics of Jules Verne's novels but the overall tradition of foreign adventurous literature. In the short story "Boys", which is considered by scholars as a text of the late period of A.P. Chekhov's works, the peculiarities of reception of novels about indigenous people by children are identified.

Keywords: A.P. Chekhov, reception, adventure literature, eccentric fable, artistic detail, theme of boyhood.

1. Введение

Несмотря на общую не востребованность приключенческой литературы в качестве объекта литературоведческой науки, ее рецепция в отечественном культурном поле остается значимым вопросом для истории русской словесности. Широко известны популярность в дореволюционной России произведений Ж. Верна, В. Гюго, А. Дюма, Р. Стивенсона, Ф. Купера, Т.М. Рида, существование специальной периодики, где публиковалась переводная и оригинальная приключенческая литература. Успехом пользовались такие журналы, как «Природа и люди» (1889–1918) с приложением «Мир приключений» (1910–1918); «Вокруг света» (1861–1868, 1885–1917) с приложениями «На суше и на море» (1911–1912, 1914) и «Журнал приключений» (1916–1917). Зарубежная приключенческая

* Corresponding author

E-mail addresses: larionova@ssc-ras.ru (M.Ch. Larionova)

литература, несомненно, входила в круг чтения классиков русской литературы. О.Н. Олейникова акцентирует внимание на том, что «несмотря на сложившуюся традицию не замечать приключенческой литературы, писатели, критики не раз подходили вплотную к проблемам ее специфики» (Олейникова, 1984: 4). Предпринимал ли попытку подобного писательского осмысления приключенческой литературы А.П. Чехов?

Все еще неоднозначным для чеховедения остается вопрос о природе взаимоотношений произведений уже «зрелого» Чехова и «литературных поделок» Антоши Чехонте. Границу между ними традиционно проводят в середине 1880-х гг. Феномен раннего Чехова принято связывать с влиянием массовой литературы: этот период творчества писателя рассматривали с позиций влияния Н.А. Лейкина, А.Ф. Писемского, Н.С. Лескова. И.Н. Сухих считает, что «поздние чеховские принципы краткости и простоты языка, сплошной “сюжетности” жизни, особой позиции читателя в мире произведения, т.е. отношение к слову и отношение к миру, можно рассматривать как трансформацию, функциональное переосмысление и использование некоторых свойств массовой литературы, в рамках которой начинает Антоша Чехонте» (Сухих, 2019: 16). Нас же, в свою очередь, интересует отдельный сегмент массовой литературы – ее приключенческая составляющая, представленная по большей части классиками зарубежной литературы, и ее рецепция в творчестве писателя.

Чтобы ответить на вопрос о том, какое место приключенческая литература занимает по отношению к эстетической позиции Чехова, кажется целесообразным наметить биографический и историко-культурный контекст его эпохи, а затем выявить элементы диалога между чеховскими произведениями и приключенческой классикой.

2. Материалы и методы

Материалом для настоящей статьи служат рассказы А.П. Чехова «Летающие острова», «Мальчики», «Перекасти-поле», «Последняя могиканша», «На мельнице», «Счастливчик», «Идиллия», его путевые заметки «Остров Сахалин», рассказ И.С. Шмелёва «Как я встречался с Чеховым».

Исследование построено на синтезе сравнительного и интертекстуального литературоведческих методов. Применение сравнительного метода позволяет не только обозначить рецепцию приключенческой литературы в России конца XIX в. и ее место в чеховском творчестве, но и рассмотреть чеховскую прозу как диалог между собственно «своим» и «чужим». Использование интертекстуального метода анализа особенно важно в отношении стилизации А.П. Чехова, анализируемой в данной статье, поскольку ее вторичная природа обуславливается принципиальной интертекстуальностью.

3. Обсуждение и результаты

Значимую информацию для осмысления этого вопроса дает автобиографический рассказ или очерк И.С. Шмелёва «Как я встречался с Чеховым», который повествует о том времени, когда «Чехов был ... еще А. Чехонте, а я (И.С. Шмелёв – Прим. авторов) – маленьким гимназистом». Очевидно, что речь идет о том этапе жизни писателя, в котором существует «ранний» Чехов. Именно он, по мнению И.Н. Сухих, ориентируется на установку массовой литературы, для которой «между словом и предметом нет никакого зазора». В первой и второй частях рассказа краеугольной становится тема детского и юношеского чтения. В первой части рассказа «За карасями» герой-рассказчик и Женька Пиуновский подражают героям прочитанных книг и перевоплощаются в индейцев и эскимосов: они заняты ловлей рыбы для изготовления пеммикана — мясного концентрата, который индейцы и американские эскимосы брали с собой на охоту или военные походы. Удивительно осведомленным о мире индейцев предстает Чехов в воспоминаниях Шмелёва: предлагает выкурить трубку мира, говорит «горлом, как говорят индейцы: “Отныне мир!”», произносит «попо-кате-петль», принимает в дар «дикобразово перо» (Шмелёв, 1998: 312) с полным осознанием значения этого жеста на языке своих краснокожих братьев и, в конце концов, становится для мальчиков признанным бледнолицым братом.

Во второй части рассказа «Книжники... но не фарисеи» становится ясной причина исключительной осведомленности писателя: читатель узнает, что трепетное отношение к книге у автобиографического героя-рассказчика и у Чехова в юности совпадают: «Бывало,

таким вот был... – показывает он к нам пальцем, взглядывая, прищуриваясь, через пенсне, – в неделю по аршину читал» (Шмелёв, 1998: 317). Герои «держат экзамен» по прочитанным книгам у своего бледнолицего брата. В диалоге между экзаменатором и экзаменуемыми упоминаются ключевые для классики приключений имена: Жюль Верн, Фенимор Купер, Густав Эмар, Майн Рид, Фредерик Марриэт и Габриэль Ферри. В этой же части рассказа стоит обратить внимание на его примечательную деталь: Шмелёв упоминает лежавший «на рояли новенький “Вокруг Света”» (Шмелёв, 1998: 313), в котором в то время печатаются не только научно-популярные материалы и одновременно с этим утки об открытиях в сфере географии, ботаники, зоологии, этнографии, но и художественная литература, которая в свое время органично войдет в канон приключенческой. В этом журнале в 1867 г. появляется перевод романа Ж. Верна «Из пушки на Луну», в 1886 г. – «Остров сокровищ» Р. Стивенсона.

После экзамена на знание классики приключенческой литературы Чехов рекомендует герою-рассказчику и его товарищу переходить на общее чтение. В тексте Шмелёва в качестве примеров общего чтения называются исторические романы М.Н. Загоскина и П.И. Мельникова-Печерского. Эта цитата контекстуально перекликается с темой письма А.П. Чехова к Г.И. Россолимо, где писатель рассуждает о детской литературе. В качестве примеров общего чтения Чехов называет Андерсена, «Фрегат Паллада» и Гоголя и отмечает, что «надо не писать для детей, а уметь выбрать из того, что уже написано для взрослых, т.е. настоящих художественных произведений» (Чехов: П. IX, 19). В то же время широко известна положительная оценка писателем влияния приключенческой романтики на юного читателя, основной пафос которой вдохновлял его на стремление к идеалу, на подражание героям. «Это слабые симптомы той доброкачественной заразы, которая неминуемо распространяется по земле от подвига» (Чехов: С. XVI, 236), – отмечает Чехов в некрологе Пржевальскому.

Упоминания о приключенческой литературе в творчестве самого Чехова неоднородны. Условно мы можем разграничить эти упоминания по принципу функциональности: в одном случае, произведения вступают в непосредственный диалог с классикой приключенческой литературы, рассматриваются в качестве объекта изображения писателя (такими текстами мы считаем стилизацию А.П. Чехова «Летающие острова» и рассказ «Мальчишки»), в другом – становятся излюбленным авторским приемом – художественной деталью. Именно для Антоши Чехонте характерно обращение к приключенческой теме как к объекту стилизации, которая, по мнению А.В. Кубасова, представляет собой «доминирующий конструктивный принцип стиля прозы Чехова» и является сущностной характеристикой его поэтики, способом осмысления художественной философии писателя (Кубасов, 1998: 384). В начале 80-х гг. XIX в. появляются стилизации Чехова на знаменитые произведения массовой литературы: «Тысяча одна страсть, или Страшная ночь» (1880), где, как отмечают комментаторы полного академического собрания сочинений писателя, «пародируются характерные черты романтически приподнятого стиля В. Гюго» (Чехов: С. I, 563), «Шведская спичка» (1884) – карикатура на пользующийся популярностью у читателя в 1880-х гг. «уголовный» жанр. В этой же связи стоит упомянуть рассказ «В море» (1883), где критики и читательская аудитория увидели подражание новеллам Мопассана. В примечаниях к рассказу отмечено, что первая версия этого произведения носила характерный оттенок переводного рассказа.

Особенного внимания в этой чеховской галерее заслуживает рассказ, предлагаемый читателю как «перевод» сочинений Ж. Верна «Летающие острова» (1882), поскольку именно он представляет собой стилизацию на чистый приключенческий жанр. Подчеркнем, что мы определяем «Летающие острова» именно в этом ключе, поскольку в нем ярко проявляется сущность стилизации, заключающаяся в «сознательном объективировании художником образов чужих языков, чужих литературных стилей, играющих роль преломляющей среды для стилизатора, ведущего с воплощенными в них позициями диалог и созидающего через него свой неповторимый мирообраз» (Кубасов, 1998: 321-322). Отметим, что диалог здесь реализуется не только в авторской оценке-отрицании литературной традиции, характерной для приключенческого романа. В примечаниях к рассказу происходит непосредственный обмен репликами как с читателем рассказа, так и с осмысляемым *текстом*: «Сноски к стр. 211 * Химиками выдуманный дух. Говорят, что

без него жить невозможно. Пустяки. Без денег только жить невозможно. — Примеч. переводчика», «Сноски к стр. 212 * Такой инструмент есть. — Примеч. переводчика» (Чехов: С. I, 214).

К.С. Оверина, рассмотревшая проблему читателя в ранних чеховских пародиях и стилизациях, выделяет в рассказе ключевые особенности стиля Верна, которые гиперболизирует Чехов (Оверина, 2015: 173): избыточность цифр в произведениях классика приключенческой литературы, подчеркнутое внимание к деталям, экзотичные сюжеты. Возникает вопрос: в «Летающих островах» писатель иронизирует исключительно над популярностью жюль-верновских приключенческих романов у публики? На наш взгляд, этот рассказ скорее апеллирует к традициям зарубежной приключенческой литературы, к ее гипертексту, поскольку вызывает в сознании читателя ассоциации с романами не только Жюль Верна, но и целого ряда знаковых авторов, писавших в приключенческом жанре и занимающих особое место в ряду читательских предпочтений. Так, например, в «Летающих островах» обращает на себя внимание образ ученого-естествоиспытателя, который, по закону жанра обязан быть чудачком. Чеховский магистр всех существовавших и существующих наук Вильям Болваниус, в конечном итоге сошедший с ума, – пародия на своих литературных предков. Среди них не только очевидные образы героев Жюль Верна – Жак Паганель из «Детей капитана Гранта» или энтомолог Бенедикт из «Пятнадцатилетнего капитана», но и, например, доктор Батциус из куперовской «Прерии». Мотивы подвигов тоже совпадают: они совершаются героями в том числе ради национальной славы. Чеховские герои предлагают путешествие на Луну, «исполнение которого стяжало впоследствии великую славу для Англии» (Чехов: С. I, 208). Путешествие на Луну должно показать, «как далеко может иногда хватать ум человеческий». На вопрос, адресованный Болваниусу, о том, как же они будут дышать в космосе, Лунд получает следующий ответ: «А где сила вашей воли, сэр Лунд?» (Чехов: С. I, 212).

Характерно для приключенческих романов и появление таинственного письменного документа, который непременно трудно читается и определяет дальнейшее развитие сюжетной линии. Чеховские герои обнаруживают на летающем острове загадочный свиток, как оказывается, с сочинениями князя Мещерского, написанного для путешественников на незнакомом «варварском» языке. Чтобы прочитать каждый из них, героям приходится прикладывать немало усилий. Здесь вспоминаются не только «Дети капитана Гранта», но и другая классика приключенческой литературы: «Граф Монте-Кристо», «Золотой жук». Напоминают о традициях приключенческих романов и пространственные характеристики: герои достигают крайнего пространства, приближаются к границе мира, находятся в экстремальных условиях. Чеховская тройца прибывает на летающий остров князя Мещерского в космосе.

Чеховское мастерство художественной детали заметно даже в этом крошечном стилизованном рассказе: в нем есть традиционные для композиции приключенческих романов названия глав, не отличающихся оригинальностью, обезоруживающие читателя своей простотой и очевидностью. Гиперболизованная Чеховым, неоправданная и несвязная смена действий превращается в наглядный пример эксцентрической фабулы, которую писатель помещает из большой литературной формы – приключенческого романа – в малую – рассказа. Возможно, что приключенческая литература, формировавшая юношеский круг чтения Чехова и его современников, стала предметом для осмысления фабулы открытия, поскольку для раннего Чехова характерны фабулы «того “нового”, которое вышивается по канве “данного”» (Сухих, 2019: 15).

Упоминания о ключевых авторах и произведениях приключенческой литературы встречаются как в «раннем» Чехове, так и в его «поздних» произведениях. В рассказе «На мельнице», опубликованном в 1886 г., мельник Алексей Бирюков предстает перед читателем «как здоровенный, коренастый мужчина средних лет, фигурой и лицом похожий на тех топорных, толстокожих и тяжело ступающих матросов, которые сняты детям после чтения Жюль Верна, сидел у порога своей хижины и лениво сосал потухшую трубку» (Чехов: С. V, 407). В «Острове Сахалине» (1889–1995 гг.) произведение Жюль Верна также упоминается в портретной характеристике героя: «Это крепкий, смуглый, довольно красивый мужчина лет сорока, по-видимому, гордый и дикий; он мне напомнил Тома Айртона из “Детей капитана Гранта”» (Чехов: С. XIV-XV, 352). В рассказе «Счастливчик»

(1886 г.) дается портретное живописание Ивана Алексеевича: «высокая, палкообразная фигура в рыжей шляпе и в щегольском пальто, сильно напоминающая опереточных и жюльверновских корреспондентов» (Чехов: С. V, 121). В примечаниях к этому рассказу предполагается, что «счастливчик», скорее всего, сравнивается с персонажем романа «Таинственный остров» — корреспондентом газеты «Нью-Йорк геральд» Гедеоном Спилетом (Чехов: С. V, 630).

Упоминания о классиках приключенческой литературы характерны и для чеховских пейзажных описаний. В путевом наброске «Перекасти-поле» (1887 г.) герою-рассказчику, возвращающемуся с Всенощной, «две большие, тяжелые лодки, угрюмого вида» напоминают новозеландские пироги, «которые можно видеть в книгах Жюль Верна» (Чехов: С. VI, 164). В «Идиллии» (1884 г.), повествующей о неудаче игрока в карты, звучит нарочито возвышенный тон, который создается за счет излишней литературности: в ней легко узнается пафос, характерный для литературной романтики: «Стройные пальмы, латании и филодендроны отражаются в бесконечных зеркалах и, образуя океан зелени, уносят ваше воображение в страну Купера и Майн-Рида» (Чехов: С. III, 51). Описывая Охотское море в «Острове Сахалин», Чехов сравнивает его с тем водным пространством, которое грезится детям после прочитанных книг: «Когда с мальчика, начитавшегося Майн-Рида, падает ночью одеяло, он зябнет, и тогда ему снится именно такое море» (Чехов: С. XIV-XV, 146).

Некоторые чеховские произведения не содержат прямого названия автора или литературного произведения, но отсылают нас к ключевым для приключенческой традиции текстам. Такого рода упоминания в большей степени связаны с отражением рецепции приключенческой литературы в России. Например, заглавие рассказа «Последняя могиканша» (1885 г.) иронически отсылает читателя к одному из романов куперовской пенталогии о Кожаном Чулке «Последний из могикан», ставшему именем нарицательным для последнего представителя конкретной социальной группы. Оно применимо и к главной героине Олимпиаде Егоровне Хлыкиной, которая преувеличенно помнит и свято чтит свое дворянское званье, призывая к такому же «благочестию» окружающих: «Ихний род Хлыкиных, сударь, захудалый род, и ежели я, Докукина урожденная, вышла за него, так он это ценить должен и чувствовать» (Чехов: С. III, 420). В заметке «Америка в Ростове-на-Дону» Чехов иронизирует по поводу опубликованного в «Донской пчеле» объявления, в котором муж некой Ефросиньи Александровны сообщает, что та «сбежала (выделено в оригинале. – Авт.), “где ее жизнь и ее счастье” — с одним прапорщиком» (Чехов: С. XVI, 33). «Побег» и «Америка» образуют устойчивую ассоциативную связь в русском литературном сознании, напоминая читателю не только о популярных приключенческих романах об индейцах, но и о уже ставшей традиционной к концу XIX в. теме Америки в русской детской литературе.

Обратим внимание на тот факт, что в приведенных выше фрагментах из рассказа «На мельнице» и путевых заметок «Остров Сахалин» имена Майн Рида и Жюль Верна тесно связываются с темой детства, мальчишества. В рассказе «Мальчики» (1887 г.) рецепция приключенческой литературы детьми становится ключевой темой для авторской рефлексии. Несмотря на тот факт, что в рассказе упоминается только одно имя классика приключенческой литературы (Чечевицын спрашивает: «Вы читали Майн-Рида?» (Чехов: С. VI, 426)), нельзя ограничить потенциальный круг чтения гимназистов исключительно его произведениями. По мнению А.В. Кубасова, имя Майн-Рида здесь отсылает читателя не к его произведениям, а к гипертексту с «определенным ассоциативно-коннотативным потенциалом (“индейцы”, “приключения”, “подвиги”, “предательство”, “любовь”»)» (Кубасов, 2005: 35). Речь героев пестрит описаниями реалий, встречающихся в романах не только Майн-Рида, но и Ф. Купера, Г. Эмара, К. Мая. Оживают в воображении Чечевицына и Володи индейцы, бледнолицые братья, пампасы, стадо бизонов, москиты и термиты, джин, золото и слоновая кость. Сам факт смены имени Чечевицыным (он сначала называет себя Монтигомо Ястребиный Коготь, а затем письменно фиксирует новое имя в тетради сестры Володи) служит своеобразным ритуалом перехода из группы «чужих» в группу «своих», является подражанием индейскому обычаю давать имена на свой лад тем, кто их заслуживает. Вспомним: главный герой куперовской пенталогии из Натаниэля Бампо становится Соколиным Глазом, Кожаным Чулком, Длинным Карабином.

4. Заключение

Таким образом, «чужое слово», принадлежащее классикам приключенческой литературы, реализуется в прозаическом творчестве А.П. Чехова. В стилизованных произведениях раннего Чехова прослеживается критический диалог автора с традицией приключенческой литературы: романами Ж. Верна, В. Гюго, А. Дюма. В рассказе «Мальчики» влияние приключенческой литературы об индейцах, представленной произведениями Ф. Купера, Т.М. Рида, Г. Эмара, К. Мая, на становление личности превращается в объект авторской рефлексии. Многочисленные упоминания о писателях, их произведениях, ключевых образах приключенческой литературы становятся яркими художественными деталями при создании портретов персонажей и пейзажных зарисовок, принадлежащих как раннему, так и позднему этапам творчества писателя.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100347-2.

Литература

Кубасов, 1998 – Кубасов А.В. Проза А.П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998. 399 с.

Кубасов, 2005 – Кубасов А.В. Рассказ А.П. Чехова «Мальчики» и творчество писателя как гипертекст // *Филологический класс*. 2005. №1 (13). С. 33-35.

Олейникова, 1984 – Олейникова О.Н. Жанр приключенческого романа и творчество Томаса Майна Рида: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984. 191 с.

Оверина, 2015 – Оверина К.С. Проблема читателя в ранних пародиях А.П. Чехова («Тысяча и одна страсть, или Страшная ночь», «Летающие острова») // *Русская литература*. 2015. № 2. С. 169-175.

Сухих, 2019 – Сухих И.Н. Ранний Чехов: черты писательской индивидуальности // *Ранний Чехов: проблемы поэтики: коллективная монография / под ред. А.Д. Степанова*. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 6-17.

Чехов – Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974–1983. С. – сочинения. П. – письма. Римская цифра – том, арабская страница.

Шмелёв, 1998 – Шмелёв И.С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. М.: Русская книга, 1998. 512 с.

References

Chekhov – Chekhov, A.P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t. Pis'ma: v 12 t. [Complete collection of works and letters: in 30 volumes. Works: in 18 vols. Letters: in 12 vols.]. M.: Nauka, 1974–1983. С. – essays. P. – letters. Roman numeral – volume, Arabic – page. [in Russian]

Kubasov, 1998 – Kubasov, A.V. (1998). Proza A.P. Chekhova: iskusstvo stilizatsii [The Prose of Chekhov: Art of Stylization]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 399 p. [in Russian]

Kubasov, 2005 – Kubasov, A.V. (2005). Rasskaz A.P. Chekhova «Mal'chiki» i tvorchestvo pisatelya kak gipertekst [The story of A.P. Chekhov “Boys” and the works of the writer as hypertext]. *Filologicheskii klass*. 1 (13): 33-35. [in Russian]

Oleinikova, 1984 – Oleinikova, O.N. (1984). Zhanr prikl'yuchencheskogo romana i tvorchestvo Tomasa Maina Rida: diss. ... kand. filol. nauk [The genre of the adventure novel and the work of Thomas Mayne Reid. The thesis for the degree of Candidate of Science in philology]. M., 191 p. [in Russian]

Overina, 2015 – Overina, K.S. (2015). Problema chitatelya v rannikh parodiyakh A.P. Chekhova («Tysyacha i odna strast', ili Strashnaya noch'», «Letayushchie ostrova») [The Problem of the reader in the early parodies of A.P. Chekhov (“One Thousand and One Passion, or Terrible Night”, “Flying Islands”)]. *Russkaya literatura*. 2: 169-175. [in Russian]

Shmelev, 1998 – Shmelev, I.S. (1998). Sobranie sochinenii: v 5 t. T. 2 [Complete collection of works: in 5 volumes. Vol. 2]. M.: Russkaya kniga, 512 p. [in Russian]

Sukhikh, 2019 – *Sukhikh, I.N.* (2019). Rannii Chekhov: cherty pisatel'skoi individual'nosti [Early Chekhov: Features of writer's individuality]. Rannii Chekhov: problemy poetiki: kollektivnaya monografiya. Pod red. A.D. Stepanova [Stepanov A.D. (Ed). Early Chekhov: the problems of the poets. Collective monograph]. SPb.: Nestor-Istoriya, pp. 6-17. [in Russian]

А.П. Чехов и приключенческая литература

Марина Ченгаровна Ларионова ^{a, *}, Алла Романовна Лисица ^b

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

^b Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается рецепция приключенческой темы в прозаическом творчестве А.П. Чехова. Чтобы определить место приключенческой литературы в русском читательском сознании конца XIX в., авторы обращаются к автобиографическому рассказу И.С. Шмелёва «Как я встречался с Чеховым», в котором возникает образ Чехова-читателя, совпадающий с «ранним» Чеховым-писателем.

Собраны и проанализированы неоднократные упоминания Чеховым имен классиков приключений и названий их произведений. Авторы предлагают разграничить материал по принципу функциональности. С одной стороны, анализируются произведения, которые являются участниками диалога автора с классикой приключенческой литературы (такowymi авторы считают стилизацию «Летающие острова» и рассказ «Мальчики»). С другой стороны, рассматриваются упоминания о произведениях приключенческого жанра и их авторах, которые выполняют функцию художественной детали при портретной характеристике героев и пейзажей («Перекасти-поле», «Последняя могикианша», «На мельнице», «Счастливчик», «Идиллия», «Остров Сахалин»).

Показано, что в «Летающих островах» содержится критическое осмысление не столько характерных черт романов Ж. Верна, сколько традиции зарубежной приключенческой литературы в целом. В рассказе «Мальчики», относимого исследователями к «позднему» Чехову, выявляются особенности детской рецепции романов об индейцах.

Ключевые слова: А.П. Чехов, рецепция, приключенческая литература, эксцентрическая фабула, художественная деталь, тема мальчишества.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: larionova@ssc-ras.ru (М.Ч. Ларионова)